

A detailed illustration of a young woman with long, flowing red hair, seen from behind, standing on a mossy path. She is wearing a dark, long-sleeved dress and black boots. She is looking towards a large, dark, and somewhat dilapidated gothic-style building with multiple spires and towers. The building is partially obscured by bare, gnarled trees and some autumn foliage. The scene is set in a misty, forested area with a cool, blueish-grey color palette, suggesting a mysterious and possibly haunted atmosphere. The title is written in a stylized, light green font across the upper part of the image.

Проклятие, которое я ношу

Виктория Веселова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Веселова

Проклятие, которое я ношу

«Автор»

2026

Веселова В. В.

Проклятие, которое я ношу / В. В. Веселова — «Автор», 2026

Что может быть хуже, когда твоя жизнь и так не сахар ? Конечно же дополнительные проблемы и проклятия. В моих руках либо спасти этот мир , либо уничтожить. И самое ироничное в этом я не планирую сдаваться. Может не сразу , но я постараюсь выполнить своё предназначение. Я Алекс и я не отдам свой мир.

© Веселова В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. ТАЙНЫ	6
Глава 2. АЛЕКС	9
Глава 3. МИР В КОТОРОМ НЕ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ	13

Виктория Веселова

Проклятие, которое я ношу

ПРОЛОГ

Говорят, сны — это двери в иные миры. Или в самые потаённые уголки собственной души. Я не знаю, что из этого правда. Знаю только, что мой сон всегда один и тот же: я падаю в бесконечную тьму, пока не превращаюсь во что-то иное в этой крошечной тьме. И в этой тьме кто-то шепчет: «Беги... Он почти рядом...»

Я просыпаюсь в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, и первое, что делаю, — оглядываюсь, будто в комнате и правда кто-то есть. Будто за мной действительно следят. Это чувство не отпускает меня ни на минуту: даже когда я еду на велосипеде сквозь лес, разгоняясь так, что ветер свистит в ушах, мне кажется, что чьи-то глаза неотрывно следят за каждым моим движением.

Мне почти восемнадцать. Скоро школа закончится, и я наконец смогу уехать. Туда, где меня ждёт свобода, — в НьюЙорк. Город, которого я никогда не видела, но который чувствую так, словно он зовёт меня по имени.

Там жили мои родители, когда были молодыми и счастливыми. Там они были другими. А потом всё рухнуло. Отец ушёл, мать сломалась, и наш дом превратился в место, куда страшно возвращаться.

Говорят, что перед тем, как потерять всё, ты видишь мир особенно ясно. Не как на фотографии, где каждый пиксель на своём месте, а как в кривом зеркале: знакомые вещи вдруг кажутся чужими, родные голоса звучат с незнакомыми интонациями, а в воздухе висит ощущение, будто кто-то только что стёр ластиком часть твоей жизни — и теперь ты стоишь посреди пустого листа.

Я, Алекс, знаю это чувство слишком хорошо.

Моя история началась не с того дня, когда я впервые услышала чей-то голос. И даже не с того вечера, когда мой друг впервые посмотрел на меня так, будто видит насквозь. Она началась с тишины. С той самой тишины, которая наступает, когда кто-то выключает звук в твоей собственной голове.

Глава 1. ТАЙНЫ

Тишина, лес, слышен только ветер. Я парю над землёй среди облаков, свободно, как птица, чувствуя себя в невесомости, стремясь кудато вперёд. Есть только я и ветер, и никого больше. Это лишь свобода, свобода, которой мне так не хватает. Но всё же не всё так радужно. Что-то тут было не так.

Страх. Тревожность. Лёгкая нотка безумия меня сейчас не отпускает. Как будто окутала меня в неприятное, склизкое ощущение.

Но почему меня всё происходящее сейчас так удивляет? Ведь с этими чувствами я живу уже не первый год.

Кости затрещали, и острая боль пронзила всё моё тело. Крылья и лёгкость пропали. С огромной скоростью я сорвалась вниз. Дыхание затруднилось, я задыхаюсь, паника сковывает всё моё тело, и с непомерной скоростью я падаю в какой-то тёмный, дремучий, внушающий страх лес.

Поднявшись, моя тень накрывала всю чащу, и я осознала, что уже не лёгкая, как перо птицы, а волк, чёрноугольный, свирепый волк. Пасть вся в крови, сердце готово выпрыгнуть из груди, а я чего-то безумно боюсь. В ужасе бегу по холодному снегу, и мой рык непроизвольно вырывается, пытаюсь что-то сказать...

За рыком последовала лишь крошечная темнота. Сердце будто провалилось сквозь землю, и страх окончательно завладел мной. Дыхание сбито, пульс отдаёт звонким гулом в моих ушах, а я не могу пошевелиться, всё моё тело меня совершенно не слушалось...

— Что происходит? Где я? — тяжело дышать, вот-вот и потеряю сознание. В панике я начинаю метаться из стороны в сторону, а сердце всё же вот-вот выпрыгнет из груди.

Сквозь темноту до меня донеслись голоса. Я не одна. Голоса пытались что-то мне сказать, но я почти ничего не могла разобрать, лишь отголоски одних и тех же слов, что предупреждали меня об опасности:

— Беги, беги, он почти рядом! — чей-то шёпот проникал мне прямо в душу всё сильнее и сильнее, от чего становилось не по себе дурно.

— Кто рядом? Что вообще всё это значит? — я никак не могла понять, что происходит.

— Оглянись, — почти рядом с ухом кто-то прошептал и сразу исчез, я не на шутку испугалась, из-за чего не успела разглядеть, кто это мог быть.

Успокаивая себя от испуга, я всё никак не решалась оглянуться назад, моё чутье говорило, что если обернусь, то встречу с чем-то сильным, безумным и опасным, а мне и без того было дурно от происходящего сейчас со мной. Всё-таки решившись на отчаянный шаг, я резко обернулась. Лучше сразу и быстро, как лейкопластырь, чем чувствовать себя загнанной в угол — я совершенно терпеть этого не могла. На моё удивление вокруг была лишь крошечная темнота, и не сразу заметив, я увидела ярко-красные глаза, от которых парализовало всё моё тело. Страх моментально укутал меня в своих объятиях, а голоса вокруг, что так рьяно предупреждали меня об опасности, замолкли. С каждым приближением красных глаз ко мне я чувствовала, как кто-то пытается вытолкнуть, вытянуть меня из этого страшного сна, мучившего меня на протяжении долгих лет.

Очнувшись от этого ужаса, я долго не понимала, где нахожусь, но, быстро взяв себя в руки, я пытаюсь восстановиться от страшного сна...

— Ну как, всё прошло? Я не выглядела максимально глупо? — смущаясь и краснея, как помидор, я постаралась отстраниться, смотря в окно, наблюдая за птицами, что так радостно прыгали с ветки на ветку.

— Нет, Алекс... ты молодец. Было многое непонятно. Но ты делаешь успехи. Думаю, нужно повторить терапию на следующей неделе, чтобы понять всю картину происходящего в твоей голове.

Поправив свои очки, доктор сразу же что-то стала писать в своём блокноте.

Всегда было интересно, что такого важного можно было узнать обо мне, что даже приходилось всё записывать, но доктор наотрез отказывалась мне об этом говорить, ссылаясь на то, что пока рано мне всё знать.

— Мне всё ещё рано знать, что вы обо мне пишете? Хотелось бы побыстрее покончить со всем этим. Со своими страхами и безумными снами, что терзают меня изо дня в день.

Но доктор явно не спешила, боясь мне навредить, но мне уже ничем не навредишь, учившая, какая у меня отстойная жизнь.

— Я не хочу тебя перегружать. Мы и так хорошо продвинулись. На этот раз терапия заняла пять минут. Ты всё больше становишься восприимчива к гипнозу, а это значит, что скоро мы найдём ту самую причину твоих кошмаров, что мешает тебе вести полноценную, подростковую жизнь.

Улыбнувшись мне, доктор посмотрела на необычные часы в виде кошки, от которых у меня мороз по коже от чувства, что через них на меня кто-то смотрит, и снова что-то записала в свой блокнот...

— Ух ты... есть чем гордиться, — мне хотелось язвить рядом с ней, ведь фактически больше не с кем, помимо моего друга.

Хоть я и не любила долгое общение с кем-либо, тем более копаться в себе, но после сеансов я всегда стремилась хоть на чуть-чуть оттянуть время и побыть с доктором ещё пару коротких минут, которых мне всегда мало.

Но я понимаю, пора закругляться, это было и так понятно, ведь доктор всегда сначала смотрит на эти страшные часы, а потом, как по будильнику, смотрит в свой смартфон. Сверить время, наверное, — не знаю. Я никогда её об этом не спрашивала и в принципе не видела в этом большого смысла.

— Это правда, ты большая молодец.

Посмотрев в смартфон, доктор дала понять, что время сеанса подошло к концу. Невольно я улыбнулась ей за то, что она становится для меня такой предсказуемой. Увидев мою реакцию во взгляде, она сразу подмигнула мне с искренней улыбкой, от которой сердце ёкало от радости, что я кому-то небезразлична, и незамедлительно продолжила что-то писать в своём блокноте, полностью поглощаясь в работу, стараясь ничего не упустить за время, проведённое со мной. Она явно любила свою работу и с истинным наслаждением её прекрасно выполняла.

— Ладно! Всего доброго, доктор Джейн Гранд. Стало некомфортно от полной тишины и чувства пустоты, что я кому-то мешаю работать. Ведь в отличие от доктора, я не могу знать, что у неё в голове. Поэтому лучшее решение — постараться побыстрее сбежать от этого чувства самовнушения, что я лишь объект для исследования. Ведь Джейн вряд ли хотела меня обидеть, отдавшись полностью работе. Она такой человек, не упустит мелких деталей.

— Всего хорошего, Алекс! — доктор была настолько увлечена своими записями, что даже глаза не подняла, чтобы хотя бы взглядом меня проводить.

Каждый раз на душе было грустно с ней прощаться, как будто мы больше не встретимся, как будто мы намного ближе, чем думаем, но она высококвалифицированный психолог, знающий своё дело, поэтому вполне возможно, моё влечение с ней пообщаться по большей степени неудивительно.

Доктор Гранд.

— Интересный ребёнок эта Алекс, — оторвав глаза от блокнота, девочки уже не было. Видимо, я снова увлеклась своей работой. Надеюсь, что не обидела Алекс своей скрупулёзностью. Я всегда стремлюсь записать всё до мелких деталей, пока помню, чтобы картина всего происходящего смогла встать на свои места. Ведь столько эмоций и страхов в одном маленьком хрупком теле, меня поражало, так что удивительно то, как она вообще со всем этим справляется. Ведь не любой взрослый мог бы спокойно так жить. А тут совсем ещё ребёнок.

Да, девочке было почти восемнадцать, считай, уже взрослой, но она была совсем одна. Потерянная в этом огромном мире. Мать изменилась с уходом отца. Полностью закрылась от своей дочери, а родственников вроде бы больше не было. По крайней мере, мы не смогли кого-то найти. Поэтому о девочке никто не может полноценно позаботиться.

Алекс, девочка, запутанный ребёнок. Готова вести замкнутый образ жизни. При этом у неё волосы белые, как дневной свет, а глаза голубые, как нежное небо в прекрасный летний день, доброе сердце и чистая душа с нотками перца в её характере. Я чувствую, нет, я знала, что мне суждено быть с ней сейчас и помочь в трудные моменты её жизни. Ведь иначе она просто потеряется в этом огромном мире. А я больше её не оставлю, ведь только ради неё я приехала в этот город.

— Думаю, она та самая, — произнеся уже свои мысли вслух, я окончательно забыла, что нахожусь в комнате не совсем одна, что меня могут услышать.

— Вы уверены? — голос изза стены заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

Всётаки за нами всё это время наблюдали. Странно, конечно, всё это, ведь на сеансах должно быть всё конфиденциально, а тут получается, за нами смотрит ещё кто-то. И это действительно приводило меня в полное замешательство и недоумение от происходящего. Всегда стояло табу на то, что всё, что происходит на сеансе, не должно касаться чужих глаз и ушей.

Но работа есть работа, и тут я не смею спорить, а тем более проявлять заинтересованность, ведь если всё откроется, я уже не смогу реализовать свои планы.

— Я уверена! Мы нашли её! — собравшись, как и полагается специалисту, я ответила человеку за стеной. Ведь не было смысла отнекиваться: потому что волоком меня сюда никто не приводил — всё же я сама пришла сюда работать, чтобы найти ту самую. А без нужного финансирования и нужного оборудования я бы не нашла девочку.

— Надеюсь, вы меня не разочаруете, мисс Гранд!

Этот голос был всегда холодным и злобным. Порой я сильно жалею, что пришла работать к этому человеку, но другого способа найти эту девочку у меня не было.

Много лет я потратила впустую. Вечные поиски и переезды непонятно куда... А она оказалась намного ближе, чем можно было представить.

— Я вас не подведу, — конечно, если только мои интересы не окажутся выше его интересов, но это ему знать не обязательно.

Закрыв свой блокнот, я направилась к следующему пациенту, стараясь не показывать, что Алекс для меня намного важнее, чем можно было представить.

Глава 2. АЛЕКС

Выйдя из кабинета доктора, я направилась напрямик к своему велосипеду, чтобы поскорее уехать как можно дальше из этого места.

Да, Джейн мне нравилась, правда, но это место меня пугало. С первых дней у меня было постоянное ощущение, что за мной наблюдают. И это не просто доводило меня до паники — а действительно до такой степени, что я чуть ли не падала в обморок. Поэтому я стремилась как можно быстрее покинуть это место.

Но стоило только почувствовать себя защищённой от пристальных глаз, как изза угла меня перехватил мой лучший друг. Как будто всё время, которое я провела у врача, он ждал меня, напугав до чёртиков.

— Ну как всё прошло, ненормальная? — с ухмылкой спросил меня Брайан.

Брайан был невысокого роста, с чёрными кудрявыми волосами и беспризорным видом, словно он живёт на улице. Но жизнь у него была куда лучше, чем моя: мама — банкир, папа — какойто судья (точно не знаю какой; в этом я не сильно разбираюсь), но знаю точно, что он очень влиятельный человек в нашем маленьком городке. Сестра — медалист. А Брайан — гитарист. Мы познакомились с ним в этой больнице, когда он приехал сюда с переломом ноги. Он говорил, что на него напали какиеотоморозки, изза которых разбилась его самая любимая гитара, но я слышала, что он просто неудачно споткнулся.

— Нууу... — протянула я. — Я победила рекорд в гипнозе: теперь меня можно «выключить» на целых пять минут.

В какойто степени я радовалась и этому, ведь хоть чтото в моей жизни наконецто случилось — хоть и нельзя назвать это настоящим достижением.

— Ты прям героиня! — рассмеялся Брайан.

— Дамы и господа, вручите медаль нашей непревзойденной психопатке! Теперь на целых пять минут мир может пребывать в спокойствии и не бояться кризиса, переходящего в апокалипсис... Но это не точно! — на всю больницу завопил Брайан, от чего я вся покраснела, как помидор, а пристальные взгляды проходящих мимо людей так и норовили выяснить, о ком он говорит.

Хоть я и пыталась избежать столь пылкого внимания к себе, в какойто мере мне это даже льстило. Брайан всегда мог поднять мне настроение, а таких людей в нашем мире сейчас очень мало. Будь в моей жизни чуть побольше позитивных людей, возможно, меня перестали бы считать ненормальной.

— Хаха... — засмеялась я, ударив Брайана в плечо.

— Да ну тебя. Для меня это важно. Возможно, я наконецто узнаю, что со мной не так.

— Ты просто с «тараканами», как и все девчонки, а эти врачи просто тянут из тебя деньги.

Брайан не любил врачей, которым нужно платить за работу: он считал, что это их долг — помогать людям с любыми проблемами бесплатно. Ведь не зря же они давали клятву Гиппократата, тем более что они получают зарплату с наших налогов, а ещё сверху берут деньги за сеанс. Закинув мне на плечо свою руку, будто мы влюблённая пара, Брайан начал рассказывать, как ему не нравится эта больница, — хотя сам лечил тут ногу, и никто силком его сюда не тащил.

— Вообщето в этой клинике с меня не берут денег, как и с тебя, если ты забыл. А доктор Джейн — хорошая, — с недовольным лицом я убрала руку Брайана, будто мне было совсем неприятно, что он нарушает мои личные границы.

Заметив мою реакцию, Брайан не растерялся и продолжил язвить в своей вполне естественной манере:

— Значит, она хочет тебя, а ты — её, но вам не суждено быть вместе, потому что вы... Ж...

Брайан рассмеялся, заметив, как я в один момент покраснела с ног до головы.

— Фу... Что в твоей голове? Тебе давно пора перестать смотреть порнушку и найти девушку.

— Алекс, у меня есть ты и правая рука — больше меня ничего не волнует. Чмокчмок! — наклонившись ко мне, Брайан сделал вид, будто хочет поцеловать, но этот номер со мной не пройдёт.

— Пошёл ты, Брайан, а то получишь по своей пустой кочерыжке. Ты мне вообще как младший брат! — с усмешкой отклонила я.

— Ой, ладно тебе, ты старше меня всего на пару месяцев, — Брайан сразу выставил руки вперёд, будто и вправду испугался, что я ему влеплю. Но по его взгляду я заметила, что он всё же расстроился — то ли изза не получившегося «поцелуя», то ли изза моих слов.

Ну а что я могу с собой поделаться, если у меня принцип: с братьями не целоваться. Брайан хоть и не родственник мне, но, учитывая, как он мне помогает, я не могу называть его иначе. Парень мне в принципе не нужен: мне бы сначала с «тараканами» в голове разобраться, а потом уже других принимать.

— Куда ты сейчас? — я настолько углубилась в свои размышления, что даже не сразу услышала вопрос Брайана.

— Эй! Алло! Планета Земля вызывает Алекс! — Брайан махал руками перед моим лицом, чтобы вернуть меня из раздумий.

— А? Что ты сказал? — растерянно посмотрела я на Брайана.

— Я спросил: куда... ты... сейчас... направляешься? — раздражающе по слогам Брайан проговорил свой вопрос ещё раз.

— А... Да! Надо идти домой. У мамы новый ухажёр. Нужно прибраться, а то мне снова влетит.

Как бы я ни старалась скрыть всю правду о своей личной жизни, мои глаза всегда меня выдавали. Ещё немного — и я бы разрыдалась прямо тут, на месте. Поэтому, ускорив шаг, я направилась к выходу из больницы как можно скорее.

— Это не жизнь, а рабство. И мать тебя ненавидит, особенно её ухажёры, — догоняя меня, продолжал Брайан, добавляя ещё больше масла в огонь.

— Это да... А что поделаться? — чуть ли не плача, произнесла я, стараясь спрятать глаза от друга.

Всё изменилось, когда ушёл отец: мать ревела день и ночь, а потом появились алкоголь, наркотики — и вся моя жизнь провалилась в бездну. Опека хотела меня забрать, но моей матери както каждый раз удавалось их заболтать, и опека, разводя руками, не трогала нас.

— Да уж, сестрёнка... Я всё понимаю. Если надумаешь сбежать, я тебя поддержу и помогу.

Я точно не знала, шутил Брайан или нет, но его предложение звучало вполне заманчиво.

— Нельзя, ты же знаешь. Она же моя мать, как ни крути. Без меня совсем сгинет.

Было трудно думать о матери, но выбора у меня не было: матерей не выбирают.

— Эх, ладно. Вечером пересечёмся.

Брайан обнял меня на прощание и быстро поковылял по своим делам. На удивление, его нога быстро заживала: если бы я чтонибудь себе сломала, наверняка полгода бы в кровати провалялась, но Брайан — везунчик по жизни, так что не стоит удивляться.

— Хорошо, — еле слышно ответила я, немного расстроившись. Не хотелось с ним расставаться: с ним мир казался куда радужнее, и я могла не думать о проблемах. Но когда Брайан уходил, я снова погружалась в себя — а это не очень хорошо.

В больницу к психотерапевту Джейн Гранд я пришла сама. Она знала моих отца и мать, когда ещё они были молодыми и жили в НьюЙорке.

После колледжа мама и папа переехали в захолустье «Питерс» — непонятно зачем, видимо, подальше от всех нормальных. После школы я мечтаю переехать в родной для меня город. Чувствую, что мне будет там лучше, чем в этом «Питерсе». Город НьюЙорк зовёт меня, он меня ждёт — я это чувствую... Либо уж слишком сильно этого желаю.

В НьюЙорке я ни разу не была, но это большой город, где у меня есть все шансы стать нормальной.

Когда отец ушёл, мы потеряли связь с Джейн, и я её уже почти не помнила. Меня много лет беспокоит один и тот же сон, и я ни с кем не могла посоветоваться. А доктор Джейн удивительным образом появилась передо мной на улице и, будто прочитав мысли, предложила бесплатно приходить к ней на сеансы. Я долго думала над её предложением, и вот уже месяц хожу к ней.

С доктором мы общаемся на разные темы так, будто мы родственники, семья.

Джейн было лет сорок пять. Она была невысокого роста, с крашеными рыжими волосами и красивыми, глубокими синими глазами, которые, казалось, видят меня насквозь. Порой она меня пугает, но она — единственная, кого я могу понастоящему назвать родным человеком.

Джейн рассказывала мне про НьюЙорк, про то, какими были мои родители, и часто извинялась за то, какой в итоге стала моя семья. Она считала, что, если бы только смогла их остановить, уговорить остаться, то хотя бы смогла бы позаботиться обо мне — и, возможно, с уходом отца мать так сильно не изменилась бы.

Как родители уехали, Джейн потеряла с ними связь: целых десять лет ничего не знала о нас.

Я её ни в чём не винила. Даже была рада, что она появилась сейчас и готова мне помочь, не прося ничего взамен. Ей было достаточно просто со мной общаться и хоть как-то быть рядом. Не зная о ней ничего, я, на удивление, быстро к ней прониклась — что для меня было совсем не свойственно. Поэтому и старалась общаться с ней как можно больше.

После сеансов с Джейн у меня всегда остаётся ещё час на прогулки по лесу, где я чувствую себя свободной. Разгоняясь на велосипеде, я могу, как во сне, ощущать себя парящим в воздухе орлом, летящим сквозь горы и реки.

«Ах, как сильно мне не хватает свободы! Такое чувство, будто я в цепях, в клетке, готовясь вотвот выпрыгнуть... Но мне не удаётся, потому что я слаба. Я слаба душой и телом».

Встряхнув головой, я отогнала дурные мысли и постаралась думать о чём-нибудь радужном — например, о том, как Брайану плохо даётся игра на гитаре и как он психует от собственной неловкости...

Будильник прогудел в моём кармане, вырывая меня из мыслей и напоминая, что пора домой. С большим недовольством я направилась туда, куда совсем не хотела возвращаться. Но выхода у меня не было, а ещё сильнее усугублять свою жизнь совсем не хотелось.

Приехав наконец домой, я сразу бегу на кухню убирать весь хлам: окурки, бутылки, а иногда и шприцы. Приходится отмывать диван и полы от рвоты и, наверное, мочи.

После уборки дом снова становится домом, а не местным притоном для любовников матери. И пока никого нет и всё чисто, у меня находится время помечтать о лучшей жизни.

О лучшей жизни, где мама, как и раньше, — самая красивая, стройная, с молочной кожей и яркими, как огонь, волосами, от которых всегда пахло лёгкими нотками ванили. Где её глаза всегда улыбаются, наполняясь любовью, а нежные и в то же время крепкие объятия дают мне защиту и спокойствие.

Как же я скучаю по ней, по той, какой она была раньше. Возможно, когда-нибудь я смогу снова считать её своей матерью. Даже не знаю... Ведь эти времена не вернуть — я знаю это, кажется, на сто процентов. Но они всё же хранятся в глубине моей души, и никто не сможет их у меня отобрать.

Растворяясь в своих мечтах и раздумьях, я невольно задремала, совершенно забыв о времени, которого и без того оставалось так мало.

Глава 3. МИР В КОТОРОМ НЕ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

С грохотом открылась входная дверь. Кого открыл её с ноги. Видимо, мама пришла со своим очередным ухажёром.

У всех её мужиков была привычка вышибать нашу дверь, так, как будто ставят метку, что они здесь были, — все как один. И, конечно, никто не платил за ремонт двери. Да и попробуй заставь их!

Как же мне всё это надоело! За ремонт и еду я платила сама. Точнее, на деньги, которые приходили в чистом белом конверте без адресата. Я действительно сильно благодарна нашему ангелуспасителю, который за нами присматривал, но хотелось бы всётаки узнать, кто нас так сильно оберегает на самом деле. Деньгито не маленькие.

Бывали дни, когда, если я не успевала первая перехватить конверт, мать спускала все деньги на наркотики и выпивку. Бывало так, что мне практически нечего было есть. Но в последние дни какимто чудом конверт иногда уже лежал у меня под подушкой. Было от этого не по себе, но выбирать не приходилось, поэтому я была искренне благодарна нашему помощнику, кем бы он ни был.

— А ты что тут делаешь? — с явным нежеланием видеть меня, мать сразу спрыгнула с рук своего очередного ухажёра.

— Я тут живу! — Язык за зубами я никогда не умела держать, поэтому промолчать я никак не могла себе позволить, да и не хочу.

— Убирайся в свою комнату, пока я не выгнала тебя на улицу! — Тыча пальцем на лестницу, ведущую вверх, мать всё орала на меня. Я смотрела на неё и лишь смиренно старалась себя сдерживать, ведь конфликт мне сейчас совершенно был не нужен, тем более при её новом мужике, от которого несло алкоголем за тысячу вёрст.

Было уже трудно дышать изза этой вони, но я продолжала стоять и смотреть на них свысока. Как бы то ни было, я понимала, что если хоть раз покажу слабость, то уже никогда от этого не отмоюсь, и мать тогда уж точно прохода мне не даст.

— Люси, не заводись. Пусть малышка посидит, посмотрит, может, даже присоединится, — с ухмылкой смотря на меня, говорил этот субъект. Он рассматривал меня с ног до головы так жадно, так похотливо — и это было отвратительно, отчего меня чуть не вывернуло на диван, который я так с трудом отмыла.

— Ты что, с ума сошёл? Она несовершеннолетняя, а ты недавно вышел по УДО! Обратно в тюрьму захотелось? — мать была крайне удивлена и зла на своего ухажёра. Неужели ей было настолько наплевать на меня или она всётаки решила так меня защитить?

— Если не замолчишь, Джордж, то пойдёшь вон... — Ой, не злись. Я тебе заплатил немалые деньги и могу заплатить ещё. Пусть уходит, не обламывать же себе кайф, — целуя мою мать в шею, он сразу начал её раздевать.

— Ты всё слышала? Пошла вон!!! — эхом завопила мать.

Я дёрнулась от испуга. Неужели это моя мать? Где я так сильно накосячила в прошлой жизни, что мне приходится так страдать?

Бегом пробежав в свою комнату, я почувствовала, что меня вотвот вырвет от одной мысли о том, что меня могли втянуть в эти извращения.

В итоге от всего происходящего я забилась в угол и долго качалась на корточках, обняв себя за плечи, пытаюсь представить себе лучшую жизнь, — но ничего не вышло. Мне плохо, хочется выть и бежать как можно дальше, но моё тело будто сковано цепями, отчего даже трудно пошевелиться.

Шёл первый снег. Мне восемь лет, и я радостно старалась поймать каждую снежинку, заворожённая их красотой. Было так спокойно и легко в моём маленьком мире снов.

— Папа-папа!!! — я реву во весь голос.

Было слишком больно. Я старалась встать на ноги, но я всё падала снова и снова, встать у меня так и не получилось. Паника овладевала моим телом, словно меня полностью парализовало, не давая дышать. Перевалившись на спину слезы сразу начали скатываться мне прямо в уши от чего становилось щекотно. Я долго смотрела на белые снежинки, замечая, как они превращаются в пепел. Было красиво и пугающе одновременно.

— Эй, Алекс... Что с тобой? Всё в порядке? Почему ты лежишь на земле? Что случилось? Давай, вставай! — у папы были сильные руки, он с лёгкостью поднял меня на руки, прижимая к своей груди и пытаясь успокоить мою истерику. Аккуратно водя по ногам тёплой рукой, папа нашёл место ушиба.

— Я упала, разбила колено. Не могла встать от боли. Я боялась, что ты меня не найдёшь, — всхлипывая, рассказала я отцу о случившемся.

Осмотрев рану и вспомнив, как я упала в яму, которую не заметила, я вновь ощутила дрожь. Успокоившись, я снова пыталась найти снежинки, окрасившиеся в пепел, — но их не было, как будто мне всё привиделось. Такая красота не могла просто показаться: белые снежинки словно были в плену у чёрных, создавая иллюзию чего-то тёмного и одновременно прекрасного.

— Ничего страшного, маленькая моя, сейчас боль уйдёт, — отец нашёл больное колено и, долго не думая, положил на него свои ладони.

— Не трогай, мне страшно, — я была сильно напугана, не хотелось снова чувствовать боль и парализованность тела. Я уже почти решилась выпрыгнуть из рук отца, как он прижал меня ещё крепче, словно младенца, которого боялся уронить.

— Почему? — встревоженно и в то же время спокойно спросил отец, глядя мне в глаза.

— Не знаю... Ппросто боюсь, что будет больнее, чем сейчас, — заикаясь, ответила я.

Слёзы текли больше от страха, чем от боли, а отец смотрел так, будто ничего не случилось. От его улыбки в душе зарождалось что-то тёплое и непонятное для меня, отчего я всё же перестала лить слёзы.

— Хорошо, но только не волнуйся. Ты доверяешь мне? — уверенно спросил отец, поцеловав меня в лоб.

— Дда! — я всегда доверяла отцу. Он был ближе ко мне, чем мама, и моё падение в яму этого совершенно не изменило.

— Ну, тогда закрой глаза и считай до десяти... — папа подмигнул мне с хитрой улыбкой, и, недолго думая, я начала считать...

— 1... 2... 3...

— Всё, открывай! — восторженно сказал отец.

Сразу открыть глаза я не решилась — трусиха я ещё та, — но доверие к отцу было куда больше. Ведь не было такого, чтобы он меня где-то обманул или хотел обхитрить. Насколько я помню, он всегда был честен со мной.

— Ух ты, нога совсем не болит! — восторженно, будто заяц, я подскочила на ноги и радостно запрыгала, хлопая в ладоши.

— Вот видишь, моя снежинка, а ты боялась, — отец меня так называл из-за моих белых волос, как у него, и белой, как молоко, кожи, как у мамы.

— А где моя ранка? — недоуменно спросила я.

— А её и не было, — ответил отец. — Ты просто сильно испугалась, а от страха глаза велики.

Отец щёлкнул меня по носу и громкогромко рассмеялся, отчего мне стало ещё лучше, чем прежде.

— Пойдём, а то мама будет нас искать, — папа сразу изменился в лице, стал серьёзнее и, недолго думая, посадил меня на шею, а затем быстрым шагом направился в сторону дома.

Проснувшись, я несколько минут не могла прийти в себя: снова этот сон, как назло, не дающий забыть того, кого я больше всех любила.

— Папа! Почему ты меня оставил? Что я такого сделала, изза чего тебе пришлось нас бросить, меня? Ты ведь был всем для меня. Возможно, любви мало, чтобы семья была в полном составе, хоть я и не припомню, чтобы в нашей семье были ссоры или причины бросить нас.

Возможно, отец сейчас счастлив — с новой семьёй, с новой дочкой или сыном, — и, скорее всего, нас даже не вспоминает. Меня не вспоминает.

— Так, хватит! — встряхнув головой и стараясь не думать обо всём плохом, я попыталась встать, но затёкшие ноги решили меня немного задержать и вернули вновь на землю — точнее, на пол.

Несколько часов пролежав на полу и пялясь в потолок, проливая слёзы, уже не чувствуя сильного покалывания в ногах, я осознала, что организм требовал реакции. Ведь, в принципе, можно было уже подняться и лечь спать, но стоны моей матери мешали мне так, что, закрывая глаза, я невольно представляла, что происходит на первом этаже...

Ещё через пару часов я всё же решила вылезти через окно и спуститься на первый этаж по дереву.

Взяв велосипед, я сразу поехала к Брайану. За месяц общения мы быстро сдружились. Когда мне было трудно оставаться в своём доме, я приезжала к нему поздно вечером. У Брайана для меня всегда была наготове кушетка — на случай, если он спал и мне не приходилось его будить.

Пару раз его родители нас заставляли: то я, как вор, старалась пролезть через дырку в двери для собак, то мы не могли надеть одеяло в пододеяльник, не скрывая бурных эмоций, то я пошла в душ сразу после Брайана — и они подумали, что мы там были вместе.

Родители Брайана были не против того, что у него появились друзья, тем более девушки, но я всё равно старалась быть максимально незаметной, чтобы они не подумали чего дурного.

За пару минут я сумела доехать до богатенького района «Скейкх Парк Авеню», где проживал мой единственный друг. Брайан жил в особняке на окраине улицы.

Часто в этом районе я представляю, как могла бы сложиться моя жизнь, и то, что я не такое уж дно, — и каждый раз одёргиваю себя на мысли, что нужно принять всё как есть и не питать себя ложными иллюзиями. Не успев доехать до нужного дома, я влетела в дерево. Кто-то или что-то толкнуло меня в бок, и я не смогла удержать управление.

— Эй, Брайан, ты чего творишь? — держа себя за голову, пытаюсь осмыслить, что произошло. — Хаха, а это не Брайан! — один из парней стоял у дерева, докуривая сигарету, широко улыбаясь, так, будто его забавляло, что я чуть не разбилась насмерть. — Мышка заблудилась в нашем районе? — держа в руках биты, спросил Эрик.

Эрик Фолвард — это местный придурок лет двадцати пяти. Он решил, что таким, как я, из бедной семьи, нельзя появляться в богатеньких районах. Он часто говорил: — Знай своё место, и чтобы носа твоего здесь не было!

Но мне было както всё равно: жизнь и так не сахар, а я ещё должна слушать избалованного папенького сыночка.

Отец Эрика был мэром города, держал все районы в ежовых рукавицах, но не своего отморозка, которого уже давно пора упрятать за решётку.

— Ты что тут забыла, мышка? Таким, как ты, тут не место, — снова открыл свою пасть Эрик, жёстко выводя меня из себя. — А кому место? Тебе? Придурку, который ничего не

может без папеньких денег? — с ухмылкой посмотрел я на него, отчего тот не удержался и ударил меня ногой в живот.

— Не смей вообще со мной говорить, отброс. Ещё раз увижу тебя здесь — и тебе не жить, — Эрик был взбешён, ведь понимал, что без отца он никто, боялся своего папашу как огня, и это все знали.

— Передавай привет мамаше. Скоро я к ней загляну — посмотрим, насколько она хорошая шлюха, а после отправлю в самый затхлый притон для наркоманов, чтобы она там отрабатывала свои долги. А ты займешь её место тут, и тогда мы с тобой здорово развлечёмся.

— Вот ублюдок! — сжав кулаки, я опустил голову вниз, пытаюсь успокоить злость, но я уже наслаждалась тем, как размажу этого сопляка.

Кстати, именно из-за этого я и обратилась в психушку: «неуправляемая агрессия» — это мой диагноз. Поэтому предложение Джейн походить к ней на сеансы было лучшим выходом для меня, чем портить своё дело отчётами из психиатрической лечебницы.

Я чувствовала, как внутри кипит кровь, как вены готовы выпрыгнуть наружу. Я знаю, что сейчас разорву Эрика на куски, тем более это была прекрасная возможность, наконецто, показать этому придурку, что я не такая уж и слабая...

— Мышь, я с тобой разговариваю! Алё! — завопил Эрик, увидев, что я пытаюсь его игнорировать.

Знал бы он сейчас, в каком я состоянии, — вряд ли бы полез... Но куда ему, с его куриными мозгами, размером с грецкий орех! Недолго думая, он ударил меня в висок битой, плюнул в меня и мерзко расхохотался, ожидая ответной реакции.

А я лежала на земле, свернувшись от боли. Голова раскалывалась от удара, моё тело меня не слушалось. На секунду мне даже показалось, что я зарычала. Снова оказавшись в своём сне, я чувствовала, как ярость охватывала меня всё больше. Но что я могла — беспомощная мышь без перспективы в будущем?

Встряхнув головой, пытаюсь убрать дурные мысли, я не поняла, как поднялась, и, долго не думая, кулаком ударила Эрика в нос. Тот завопил, как девчонка. В его глазах промелькнул страх, а мне это безумно понравилось.

— Что с твоими глазами? — спросил Эрик, упав на одно колено. — Ты чёртова сука! Тебе не жить! Ты пожалеешь, что не осталась лежать на земле дальше!

От его слов я понимала, что уже не остановлюсь. Подняв его за шиворот, я схватила его за горло и сжимала всё сильнее и сильнее. И мне это нравилось. Мне хотелось его крови, его страха... Как же мне было приятно!

Я и подумать не могла, что могу так легко справиться с этим придурком. Эрику уже было нечем дышать, но он всё повторял: — Кто ты? Что с твоими глазами?

Я не понимала, о чём он говорит. Видимо, он пытался заставить меня врасплох таким образом, но он не на ту напал.

— Заткнись, а то убью! — завопила уже я как истеричка. Мне нечего терять, некуда бежать, а он всё не замолкал.

На секунду, вернувшись в реальность, я испугалась своих действий. Я хотела продолжения, хотела чувствовать его страх. Но я недолго наслаждалась своей победой над этим ублюдком.

Почувствовав сильный удар по голове, я вырубилась, совсем забыв, что этот недоумок был не один и кто-то из его шестёрок ждал сигнала, чтобы меня конкретно избить или чего хуже...

— Похоже, наша девочка с коготками, и ей не терпится поиграть, — кто-то из дружков Эрика поднял меня, как щенка, за шиворот — с такой лёгкостью, что даже не верилось.

Перехватив меня за горло, парень прижал меня к дереву и, недолго думая, завладел моими губами. Жадно целуя — без шансов на сопротивление, — я почувствовала тошноту,

мне стало трудно дышать. И он на этом не остановился. Подняв подол моего платья, он ухватил меня за бёдра.

— Не смей ко мне прикасаться! — какимто чудом укусив парня за нижнюю губу до крови, я заставила его ослабить хватку от неожиданности. Недолго думая, машинально я врезала ему промеж ног, от чего парень свернулся в три погибели.

Отбиваться я умела: ведь мужики, которые иногда приходили к моей матери, пытались ко мне приставать. И если бы я не научилась бить промеж ног и сразу бежать, меня бы уже давно могли изнасиловать, даже не задумываясь, что за домогательство к несовершеннолетней могут посадить.

Но на этот раз убежать не удалось. Зато, по крайней мере, меня уже не пытались лишиться девственности — хоть какойто плюс за этот скучный день.

— Ах ты ж сука! Не нравятся ласки — почувствуй тогда боль! — дружки Эрика повалили меня на землю и начали бить меня снова и снова, выкрикивая, что мне конец, что я сдохну, если ещё раз появлюсь в их районе, что за сегодня мне ещё придётся ответить. А мне было совершенно всё равно — я даже не чувствовала боли, так как уже давно отключилась, растворяясь в своей безысходности.

Рык, вой, полёт в небе, жгучая боль в груди — как будто внутри меня пожар, и белый свет, как будто это был мой конец, и я, наконец, простилась с этим отвратительным миром.

Очнувшись, я не могла понять, где нахожусь — в глазах всё помутнело. Боль не позволяла мне пошевелиться.

— Сильно же меня приложили, — хотела улыбнуться, но в груди снова загорелся пожар, и мне хотелось закричать от боли, но сознание не позволяло, так как я не понимала, где нахожусь.

Сумев хоть както приподняться, я осмотрела комнату, совершенно мне незнакомую. Всё было слишком чисто: шкаф, стол и кровать, на которой я очнулась.

— Я точно не у Брайана, — небольшая паника охватила меня, в глазах помутилось, и я снова выключилась...

Сердце бьётся так сильно, что мне кажется, оно вотвот выпрыгнет...

— Беги! — голоса всё не умолкали.

Я не понимаю, что происходит, но, слушая их совет, не останавливалась. Земля стала пропадать изпод ног, я лечу, всем телом чувствую, как ветер нежно гладит каждую клетку моего тела. Мне хотелось раствориться в этом полёте, но яркокрасные глаза передо мной вновь заставили меня пробудиться...

Открыв глаза, я почувствовала полное спокойствие — давно я так не высыпалась. Потягиваясь, словно после долгой спячки, я снова не могла понять, где нахожусь. В голове был бардак, началась паника. С трудом поднявшись в первую очередь я направилась к двери что была напротив моей кровати, но попытки открыть её были всё же безуспешно.

— Эй... Ктонибудь меня слышит? — я сильно нервничала. — Выпустите меня! — ответа так и не последовало.

Пару часов я билась в дверь — всё безуспешно. Окон не было, даже вентиляции...

Не понимаю, кому надо было меня сюда приносить. Ещё эта странная пижама — не помню, чтобы я сама её надела. От этой мысли стало дурно.

Через какоето время дверь всётаки открылась. От страха я залезла под одеяло, как будто это могло меня спасти. Я чувствовала, как мне становится плохо: нечем дышать, я задыхаюсь, всё тело горит, а в глазах темнеет. Перед обмороком успела увидеть, как ко мне в комнату забегает Джейн Гранд. Она чтото мне говорит, но в ушах стоит гул и противный звук ультразвука. Джейн светит в глаза своим фонариком, и наконецто я смогла разобрать, что она спросила, всё ли у меня в порядке.

— Какой там порядок, — постаралась выдать из себя, но моя речь была полностью невнятной.

Я старалась успокоить своё дыхание и справиться с внезапной паникой, но все попытки были тщетны. Когда Джейн, наконец, поняла, что я сама не могу справиться с паникой, она сразу же достала шприц и вколола мне какойто раствор.

— Тшш... Тшш... Поспи, малышка, — скоро я тебе всё объясню, — приговаривала Джейн.

Мне было всё равно, что она мне говорит, ведь в её объятиях мне было так спокойно и тепло, отчего сердце хотело выпрыгнуть из груди. Такого чувства я не ощущала уже много лет. Мне бы хотелось продолжить наслаждаться мгновениями счастья, но укол заставил меня моментально уснуть.